

На одной заставе жил пёс, которого звали Елец. Это был уже старый пёс. Настоящую службу он нести не мог.

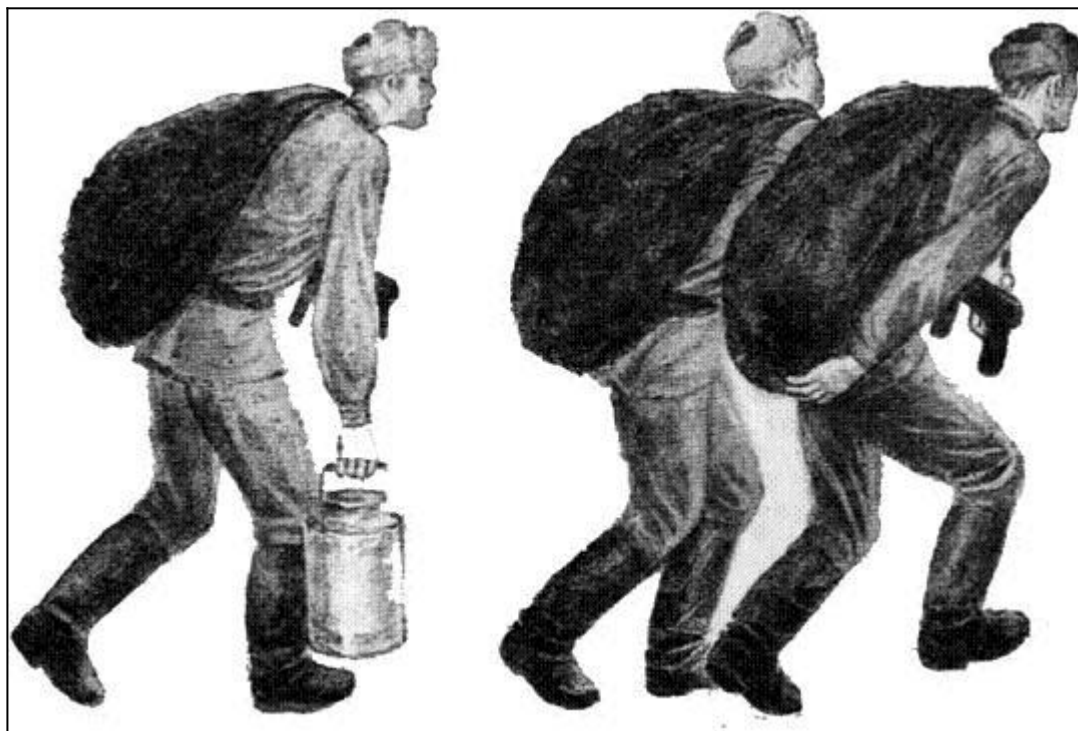
— Что поделаться, — говорил сержант Кошкин, — собаки быстро стареют, не то что человек. Но, конечно, дело было не только в этом. Чуть не десять лет охранял Елец границу. И за это время побывал в разных переделках. В таких, из которых человек-то не всегда целым выходил. Но Елец всё-таки вышел из этих переделок и теперь жил как бы на пенсии. Горшок борща с хорошей костью — вот это и была его пенсия.

А застава, где жил Елец, находилась на вершине горы и дороги туда не было. Вместо дороги в гранитной скале бы ли выбиты ступеньки — ровно четыре тысячи. По этим ступенькам каждое утро вниз, в долину, спускался Кошкин и ещё два бойца. Они шли вниз, на базу, а с ними бежал Елец. Холодно было на вершине.

С заставы бойцы выходили в полушубках, но, пройдя три тысячи ступенек, полушубки снимали и прятали в расселину — с каждым шагом становилось теплей.

Пока они хлопотали на продовольственной базе, Елец лежал на тёплых камнях и сонно хлебал борщ из алюминиевой миски. К полудню Кошкин оканчивал свои дела.— Ну, — говорил он, подмигивая Ельцу, — теперь бы крошечки погонять.

Как-то они возвращались на заставу и тащили на себе большие мешки, а Кошкин нёс ещё и бидон с молоком.

Бидон сверкал, и издали казалось — три горбуна ползут по лестнице в облака и несут с собою зеркало.

Издали на пограничников смотрел человек.

А они обливались потом и старались не считать про себя ступеньки. Но ступеньки считались сами собой: сто одна, сто две, сто три, сто четыре...

У тысячной ступеньки Кошкин поставил бидон, достал из расселины полушубок и вытряхнул ящериц, которые грелись в рукавах.

— Катитесь! — сказал он ящерицам.

С вершины дунул ветер, поднял со ступенек горсть гранитной пыли. Елец зарычал.

К запаху ветра, пришедшего с вершины, подмешался запах человека.

— Чужой, — сказал Кошкин.

— Да нет, это Елец так волнуется, от старости.

«Неужто заметили?» — подумал человек, укрывшийся в камнях и поднял пистолет.

— Чужой! — повторил Кошкин.

И тут же белый сноп, ударил его в лицо. Пуля пробила бидон — молочная струя хлестнула по ступенькам.

Нарушителю показалось, что выстрел сшиб всех трёх пограничников. Только пёс крутился на ступенях. А они отползли со ступенек и повисли над обрывом. Мешки заслонили их.

Нарушитель ещё раз выстрелил в Ельца, и пуля — надо же! — снова ударила в бидон. Он прыгнул от удара и со звоном покатился вниз, разбрызгивая остатки молока.

Бидон сорвался в пропасть, и ветер подхватил его, засвистел в дырках от пуль. Бидон падал в пропасть, словно огромный сверкающий свисток.

Кошкин увидел человека, прижавшегося к камню, и выстрелил. Пуля попала в камень — осколки резанули нарушителя по щеке. Он побежал.

Кошкин ещё раз выстрелил — нарушитель оступился и сорвался в пропасть, где прыгал ещё и бился па дне измятый простреленный бидон.

Как-то сержант Кошкин увидел во дворе продовольственной базы ушастого ишака.

— Это ещё что? — спросил он.

— Ишак, — ответили солдаты с продовольственной базы, — мы на нём продукты возим.

— Дела! — сказал Кошкин. — А как его зовут?

— А никак. Ишак, и всё.

— Вот что, ребята, отдайте его мне.

— Ну нет, — сказали солдаты, — это наш ишак, а не твой.

— Ладно вам, — уговаривал их Кошкин и объяснял, как трудно таскать на гору продукты.

Пока сержант разговаривал с солдатами, Елец подошёл к ишаку и ткнул его носом в бок. Ишак качнул головой.

— Да не пойдёт он по ступенькам, — говорили солдаты с продовольственной базы, — этот ишак привык ходить по ровному месту.

— Моя будет забота, — ответил Кошкин.

Он привязал на спину ишаку мешки с продуктами и бидон. Потом хлопнул его ладонью и сказал: «Валяй!»

Ишак потихоньку пошёл, покачивая головой.

У скалы, где начинались ступеньки, ишак остановился.

— Так и есть, — говорили солдаты с продовольственной базы (они глядели снизу в бинокль), — этот ишак привык ходить по ровному месту.

— Давай, давай, — подталкивал ишака Кошкин, — валяй!

Ишак не хотел идти наверх. Не то чтобы он упирался или брыкался, а просто стоял, и всё.

— Ишак-то наш, — сказал Кошкин, — видно, глуповат.

Тогда Елец подошёл к ишаку и ткнул его носом.

То ли нос был у Ельца холодный, то ли, наоборот, тёплый — только ишак качнул головой и пошёл по ступенькам.

«Да что он? Укусил его, что ли?» — думали солдаты с продовольственной базы.

Ишак медленно поднимался в гору, ступенька за ступенькой. Елец бежал рядом и поглядывал, как бы ишак не свалился в пропасть. Так они и добрались до заставы: впереди ишак, за ним Елец, а следом, налегке, Кошкин.

Прошла неделя, другая, и Кошкин перестал спускаться вниз.

Он навьючивал на ишака порожние мешки, хлопал его ладонью и говорил: «Валяй!» Ишак спускался по ступенькам, а следом бежал Елец. На базе солдаты нагружали ишака, тоже хлопали его по спине и тоже говорили: «Валяй!» Ишак отправлялся обратно.

Издали странно было видеть, как поднимается по ступеням в облака маленький ушастый ишак, тащит на себе мешки и бидон, сверкающий, как зеркало, а следом бежит старый пёс Елец.